

Татьяна
УСТИНОВА

ЗАПАСНОЙ
ИНСТИНКТ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 **Запасной инстинкт : роман / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-204629-2

Арсений Троепольский признавал в жизни только одно — работу. Она была его религией, его возлюбленной, его развлечением. Дизайнерская компьютерная фирма, которую он возглавлял, процветала. И вот внезапно гром грянул среди ясного неба. Убили зама Троепольского, гения дизайнера — Федора Грекова. Самое ужасное, что его труп нашел... Арсений. Отсидев три дня в кутузке как главный подозреваемый, он наконец появился в конторе, но возвращение к любимой работе не принесло радости. Пытаясь понять, кто и почему убил Федю, он обнаружил, что все вокруг лгут — сотрудники, любовница, сестра и племянница покойного. Но его мозг, работающий как компьютер, все разложил по полочкам. И гора лжи рухнула и погребла под собой всех «достойных»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204629-2

Плохо работает тот, кто, взявшись смастерить лопату, сооружает ракету.

Станислав Лем, «Апокрифы»

...И пришлось ему под вечер тащиться на самую окраину Москвы, черт знает куда.

Снег пошел, мелкий, февральский, рассыпчатый. «Дворники» гоняли его по стеклу туда-сюда, и снег ссыпался за капот. То так, то эдак прилаживая спину к неудобному автомобильному креслу, он смотрел, как отскакивают от мокрого капота мелкие белые шарики, слушал брэнчание гитары и нестройное хоровое пение, называемое почему-то «бардовским», и злился ужасно.

Он очень не любил впустую проводить время — а нет ничего более бессмысленного, чем сидение в пробке в час пик, — и никогда не уезжал из конторы, когда уезжали все. Он вообще почти не уезжал с работы. Он только и делал, что работал.

Машина — «восьмерка», принадлежавшая конторе, — как все «общественные» машины, была раздолбанной, неухоженной и грязненькой. Кресло все время перекашивалось влево, и Арсению приходилось ерзать, подсказывать, корректировать собственной спиной заваливание проклятого кресла. Зеркало заднего вида торчало прямо перед носом, и в нем отражался именно нос, а вовсе не оставленные позади конкуренты из очереди на светофор.

Потом зазвонил телефон. Одной рукой придерживая руль, другой он стал шарить по карманам, а всем известно, что нет ничего хуже, чем лезть правой рукой в левый карман толстой куртки. Сначала он просто пыхтел, потом начал тихонько материться, потом стал материться во все горло.

Телефон звонил. Распроклятое «бардовское» пение в приемнике все продолжалось.

— Да!!

Молчание.

— Черт побери, алло!

— ...Арсений?

— Да.

Молчание.

Тут он вышел из себя. Все происходившее с ним сегодня вечером на «Цыганочку» с выходом пока не тянуло, а тут потянуло.

Арсений Троепольский длинно, витиевато и душевно послал подальше звонившего, швырнул телефон на соседнее кресло, вывернул руль, подрезал какого-то смиренного и большого дяденьку на «Мерседесе» — гиппопотам тормознул так, что содрогнулось все его тяжелое металлическое тело, злобно и страшно взвизгнули тормоза, — выехал на разделительную и дал по газам.

«Восьмерка» затарахтела и стала медленно разгоняться. Встречные машины бешено мигали фарами.

Телефон на соседнем кресле опять зазвонил и звонил долго. Арсений на него косился, решив, что отвечать ни за что не станет, но тут разделительная полоса кончилась, и прямо перед носом воздвигся светофор. Под ним ходил гаишник с палкой и зелеными полосами поперек толстого из-за ватника туловища.

Арсений решил, что для полноты картины ему не хватает только склоки со стражем дорог, и метнулся вправо. Сзади отчаянно засигналили и опять замигали фарами — они же не знали, что он ненавидит «Цыганочку» с выходом! Телефон звонил.

Покорившись, Арсений Троепольский преувеличенно осторожно взял трубку, посмотрел на нее и аккуратно нажал пальцем в центр круглой кнопки.

— Да.

— ...Арсений?

— Меня зовут Сидор Семенович, — выговорил он любезно. — Вы ему звоните?

— Я звоню Арсению Троепольскому, — растерянно выдохнула трубка, напуганная «Сидором Семеновичем».

Он уже все понял, конечно. Звонила его новая секретарша, только что поступившая на работу вместо старой. Старая — на самом деле довольно молодая — неожиданно ушла в декрет.

— С ума сошла! — заорал он, когда Варвара Лаптева, прежняя секретарша, сообщила ему, что должна родить буквально на днях. — Тебе что, делать нечего?!

Варвара непочтительно захохотала и уверила шефа, что родит на этой неделе, а на следующей выйдет на работу.

— Как же! Дождешься теперь тебя! А я? Ты обо мне подумала? Что я должен делать?!

— Совсем ополоумел, — обиделась Варвара. — Что он теперь будет делать! От вас, мужиков, с ума можно сойти. Другую себе найдешь.

— Да где я возьму другую?!

Другая откуда-то взялась, села на Варварино место, к Варвариному компьютеру, и его худшие опасения сбылись — она оказалась непроходимой дурой.

Или ему хотелось, чтобы она оказалась непроходимой дурой, чтобы, так сказать, ничто не мешало ему во всей полноте каждый день осознавать меру своего несчастья?

Помимо всего прочего, у новой секретарши было еще изумительное имя — Шарон.

Шарон Самойленко, вот как ее звали.

Троепольский подозревал, что декретная Варвара специально нашла ему Шарон, чтобы он в отсутствие ее, Варвары, особенно не расслаблялся. Или это Полина нашла, вернейшая Варварина подруга?

Они подруги, а он сиди теперь с дурой в приемной!

— Так, — сказал он в трубку и посмотрел на белые шарики, прилеплявшиеся к мокрому капоту, — что вы хотите мне сказать, уважаемая Шарон?

Секретарша радостно оживилась и задышала свободней.

— Ой, вы меня узнали, да?

— Ой, узнал! — тоже радостно признался Арсений. — Ой, как я вас узнал!

Секретарша опять испуганно примолкла, и он понял, что конца телефонному шоу не будет. Гаишник, повернувшись полосатым фосфоресцирующим боком, пропускал машины с противоположного направления. Автомобильному шоу тоже не было конца.

— Арсений, вам звонил Иван Берсенев. — Фамилию она выговорила почти по складам, хотя ничего особенного в ней не было, самая обычная фамилия, но и такая Шарон Самойленко затрудняла.

— Очень хорошо, — подбодрил секретаршу Арсений, — прекрасно. Что он сказал?

— Ничего, — пробормотала та. — Он сказал, что перезвонит вам на мобильный.

«Информация первый сорт, — решил Троепольский угрюмо. — Завтра уволю ее к чертям собачьим. У нас не богадельня».

— Большое вам спасибо, — сказал он со всей вежливостью, на которую только был способен в настоящую минуту. Гаишник остановил поперечный поток, и Арсений, пошарив ногой, нащупал педаль газа. — Я хочу попросить вас, чтобы вы больше мне не звонили.

— Как?! — тягостно поразились бедная Шарон.

— Не звоните мне! — кротко попросил он. — Я через два часа вернусь. До моего возвращения мне не звоните. Договорились?

В ухо закололи гудки параллельного вызова, и Шарон он отключил.

— Да!

Звонил тот самый Иван Берсенеv, муж той самой Варвары Лаптевой, так некстати собравшейся рожать.

— Я звонил тебе в офис, — сказал Иван, словно продолжая разговор. — Там никто ничего про тебя не знает.

— У меня секретарша идиотка, — признался Троепольский неохотно. — Я только что с ней разговаривал и чуть не умер.

Иван Берсенеv помолчал.

— Ты сегодня еще будешь на работе?

— Не знаю, а что?

Тут Троепольский вдруг сообразил, что Иван, один из самых крупных его клиентов, звонит, очевидно, не просто так, и встревожился.

«Просто так» Иван не звонил никогда, соблюдал некоторую дистанцию, даже несмотря на Варвару.

— Что-то... случилось?

— Варвара просила передать, что договоры с промышленниками, ты знаешь какие, у нее в компьютере, но не в папке «Договоры», а в папке «Дизайн». Она волновалась, что ты станешь искать и не найдешь.

— Спасибо, — осторожно сказал Арсений. «Восьмерка» ползла теперь в крайнем левом ряду, полосу черного неба загоразживал грузовик, тащившийся впереди. — А почему она сама не позвонила?..

— А сама она занята. Разговаривать никак не может.

Только дурак не понял бы, о чем речь. Арсений Троепольский был не дурак, но зачем-то сделал вид, что не понял.

— А она... где?

— Мы... в больнице. Все еще только начинается, и она волнуется за дело.

Троепольский помолчал, а потом сказал:

— Ужас какой.

— Это точно, — согласился Иван. — Уже сейчас... страшно, а что будет дальше, не знаю.

Тут Арсений спохватился, что будущего отца следует утешать и отвлекать, хотя он один из самых крупных клиентов, и понес какую-то ерунду относительно того, что все будет хорошо, но Иван Берсенев не стал его слушать.

— Я пообещал ей, что позвоню, и позвонил. И... мне нужно возвращаться.

— Конечно-конечно, — испуганно согласился Арсений, — ты передавай ей... привет.

— Передам.

— И позвони, как только... Сразу позвони, ладно?

— Попробую.

Арсений опять кинул трубку в соседнее кресло и переполз в правый ряд. Быстрее он не поехал, зато открылось черное небо, подсвеченное городом, как будто северным сиянием.

Арсений покосился на молчавший телефон.

Как все странно.

Он стоит в пробке с тысячами других страдальцев, смотрит в небо и слушает поганые «бардовские» песни, а кто-то в это время рождает детей.

...Ехал Ваня на коне,
Вел собачку на ремне,
А старушка в это время
Мыла фикус на окне.

«...А старушка в это время... В это время...»

Такой сегодня день. Станный.

Федя, первый зам, не вышел на работу. На телефонные призывы и электронные письма тоже не отзывался. Так уже не раз бывало — Федя, как человек исключительного творческого полета, позволял себе и не такое, — но в данный момент ждать, когда у него закончится кризис, или что там у него началось, не было никакой возможности. Творческий Федя вчера, уезжая с работы, прихватил с собой коробочку с печатью. Непонятно, как она к нему попала, ибо Арсений все и всегда от Феде прятал — тот тащил в свой громадный засаленный портфель, что попадалось ему под руку, а попадалось ему многое. Арсений, несколько раз подряд терявший нужные бумаги, ключи от дома, телефоны и всякое такое, вскоре стал прятать все от своего первого зама.

С утра печать пропала. Везде искали, не нашли, Федя тоже не появлялся — с ним еще и не такое бывало! Варвара, все и всегда знавшая, в том числе и где вторая печать, ушла в декрет. Помочь никто не мог.

Арсений, который отродясь никакими печатями не занимался, полдня тихо бесился за распахнутой дверью своего кабинета — на двери заводская табличка, гласившая, что здесь находится «Отдел машин для обогащения». Он даже толком не помнил, откуда у него эта табличка, что за отдел?.. Но ему нравились всякие такие штуки, и он искренне забавлялся, развешивая их по стенам.

Печать так и не нашли, и, где взять Федю, тоже не знал никто. У него был некий адрес, по которому он был прописан с сестрой и племянницей и уже лет десять там не жил, снимал какие-то халупы в спальных районах, хотя заработанного им хватило бы, чтобы купить небольшой домик в дивном местечке под названием «Коста-Браво». Но Феде было искренне наплевать на все дивные местечки в мире, вместе взятые. Его интересовала только работа.

Под вечер наконец выяснили, что о местоположении Фединового логова знает единственный человек в конторе — начальник. Начальник, в свою очередь, сообразил, что ни одному водителю, не зная точного адреса, он не объяснит, где повернуть налево, где направо, где чуть наискосок, а потом во двор, а из двора сразу в арку, а из арки до угла, а за углом... Короче, начальник поехал сам.

Мы едем, едем, едем
С начальником вдвоем...
Мы едем, едем, едем
И песенку поем.

С песенкой тоже не повезло — гитара все брэнчала, голос с придыханием выводил что-то про свечу. «Свеча», ясное дело, была срифмована со словом «горяча», ни с каким другим по законам этой самой «бардовской» песни она не могла быть срифмована —

иначе песня не могла бы считаться вполне «бардовской».

Как переключить приемник, Троепольский не знал, потому что обыкновенно, кнопкой, он не переключался.

Поток машин пошел порезвее, то ли дорога стала шире, то ли они поразъехались в разные стороны. Снег все летел, мелкие февральские шарики, будто рассыпанные из гомеопатического пузырька.

«Старуха-зима рассыпала, — вяло подумал Троепольский. — Старая-престарая старуха, невесть от чего лечившаяся гомеопатическими шариками».

Он повернул налево, потом направо, чуть наискосок, во двор, а из двора сразу в арку, а из арки за угол.

Он долго искал, куда бы втиснуть машину, втиснул, и очень неудачно. Рядом маячила батарея помойных контейнеров, которые невыносимо воняли, и мусор кучами и грудами был навален вокруг, съезжал почти под колеса машины. Под шегольским итальянским ботинком Арсения что-то отвратительно захрустело, словно он раздавил скорпиона. Пола светлой куртки мазнула по грязному борту ящика, остался коричневый след. Арсений стал отряхиваться и только все размазал.

Стараясь не дышать слишком глубоко, он протиснулся мимо ящиков, задрал голову и посмотрел на дом. Черт его знает, то ли второй подъезд, то ли третий.

Арсений решил, что второй, — и ошибся. Только зря лез вверх — лифт то ли работал, то ли не работал, он так до конца и не понял, но ехать не решился. В предполагаемой Фединой квартире ему открыла какая-то деваха и фыркнула, когда оробевший Арсений осведомился о Феде.

— Какого тебе Федю?! Федю ему! Федя съел медведя, а у нас нету никакого Феди!

— Простите, пожалуйста, — пробормотал Арсений, подаваясь назад.

— Еще пожалуйста! Спасибо! Всем сегодня Федю подавай!

Троепольский предпочел в дискуссии не вступать, быстренько скатился на девять этажей вниз. Деваха сверху еще что-то выкрикивала.

— Пошла к черту, — пробормотал Троепольский себе под нос.

В третьем подъезде был кодовый замок, а номера квартиры он не знал, конечно. Знал, что на девятом этаже, первая дверь справа, и долго маялся, высчитывая номер. Высчитал, набрал номер домофона, устройство запиликало и пиликало долго, но дверь не открывалась. Кризисный Федя вполне мог и не слышать никаких звонков.

Троепольский сбежал с обледенелого бетонного крылечка, поскользнулся, чуть не упал и, задрав голову, посмотрел вверх, на каменную громаду, усеянную желтыми каплями освещенных окон. Что делать дальше, он решительно не знал.

Контора не может жить без печати — если это нормальная контора, разумеется. Федя, впавший в кому, вполне может дверь не открыть, даже если в конце концов удастся попасть в подъезд. Варвара была занята — рожала — и освободится еще не слишком скоро, если он, Арсений Троепольский, хоть что-то понимает в этом многотрудном процессе.

Главное, все договоры повисли, и клиентам не объяснишь, что во всем виноват Федя, у которого привычка совать в портфель все, что под руку попадет, и время от времени впадать в транс!..

Замок на облезлой железной двери щелкнул, и на крылечко вывалились подростки в куртках нараспашку и по-модному спущенных штанах. У каждого в каждой руке — по бутылке пива. У некоторых по две.

Двадцатидевятилетний Арсений Троепольский, удачливый и расчетливый бизнесмен, придумавший себе профессию, каких свет не видывал, приобретший скверную привычку работать от зари до зари и кучу денег в придачу к данной привычке, переждал, пока они скатятся с крыльца, и перехватил тяжелую, медленно закрывающуюся дверь.

Диалектических противоречий ему не хотелось, а такие запросто могли воспоследовать, если бы он пошел напролом, как ходил всегда и везде.

Он носил очки, имел слишком надменный вид и слишком презирал пиво и спущенные штаны, как образ жизни, чтобы выразители данных идей просто не обращали на него внимания.

Поэтому он благоразумно переждал. Ну их на фиг.

В этом подъезде лифт работал, и лезть по ступеням не пришлось.

Пластмассовые двери, исчерканные чем-то черным и гадким, разошлись, и он шагнул на площадку. Первая дверь справа. Вот она.

Воняло застарелыми «бычками» — от банки, прикрученной проволокой к перилам. Окурков в ней было вровень с краями, из середины поднимался едкий серный дымок. Надписи на стенах сообщали о музыкальных и любовных пристрастиях авторов, их друзей и подруг.

Вот, черт побери, правила человеческого общежития!.. Самое первое и главное — если не можешь переехать за свой отдельно взятый забор с воротами и

висячим замком, придется тебе каждый божий день нюхать чужие «бычки» и знакомиться с музыкальными и любовными пристрастиями всех, кому заблагорассудится написать о них на стенах, полах, потолках, подоконниках, ступеньках того самого места, где ты живешь.

Арсений Троепольский ненавидел свинство, хотя и делал вид, что ему на все наплевать.

Первая дверь справа явственно свидетельствовала о том, что за ней находится жилье внаем, — краска облезла, замочек хлипкий, коврика вовсе нет. Троепольский позвонил. За жидкой дверной фанеркой звонок прозвучал неожиданно громко, будто прямо на площадке. Никто не отозвался, и он снова позвонил. Звонок опять колыхнул подъездную тишину, слегка разбавленную телевизионной стрельбой, магнитофонной гульбой и человеческой удалью.

На этот раз Троепольский почему-то насторожился. Что-то вдруг обеспокоило его, и, толкнув дверь, он понял, что именно.

Дверь не была заперта, и, весь подобрившись, Троепольский увидел, как раздвигается черная щель, и темнота квартиры вползает в скудный свет лестничной площадки, смешивается с ним и становится похожей на разбавленные чернила.

Он посмотрел в чернильную лужицу, оперся о притолоку и громко позвал в щель:

— Федя! Ты здесь?

Никто не отозвался, и, рассердившись на себя за невесть откуда взявшийся страх, от которого стали влажными ладони, он толкнул дверь — она и не подумала скрипнуть, а он почему-то ждал скрипа.

— Федя! Федь, ты живой?!

Хуже всего было то, что заходить в квартиру ему

не хотелось — не хотелось, и все тут, хотя этому не было никаких логических объяснений. Он посмотрел на свои пальцы в перчатках, вцепившиеся в дверь, заставил их разжаться, просунул руку вглубь и зашарил по стене. Ничего не нащупывалось.

Где в этой дурацкой квартире включается свет, а?

Квартира стандартная, сдаваемая внаем, значит, вряд ли кто-то здесь менял проводку и переносил выключатели. С правой стороны, чуть выше пупка, чуть ниже грудной клетки, непременно должен быть пластмассовый квадрат.

— Федя!

За спиной в бетонной шахте загрохотал лифт, поехал вниз. Арсений просунул руку поглубже, и свет наконец зажегся. Он даже зажмурился на секунду — так неожиданно это было. Квадратная передняя с вешалкой и резиновым уличным ковриком под ней материализовалась из черной пустоты. На вешалке болтались Федино кашемировое лондонское пальто, мягкое и пыльное, и куртка с капюшоном такой формы, словно в нем долго носили ведро, а потом вынули.

— Федь, ты где?!

«Вряд ли он ушел и оставил дверь открытой, — быстро подумал Троепольский. — При всех странностях он все же вполне нормальный человек, а дома у него техника, стоимость которой вполне может сравниться со стоимостью этой квартиры».

Направо был коридорчик в два шага, налево, кажется, кухня.

— Федя, черт тебя возьми!

Троепольский заглянул в кухню — голое окно, нагромождение какой-то посуды на столе, козлоногая табуретка, черная тень от нее лежала на линолеуме, и никакого Феде.

Ощущение опасности стиснуло горло, а потом стекло вниз по спине. Волосы на затылке встали дыбом.

Что-то размеренно капало в глубине квартиры, и ему казалось, что капает у него за спиной, а там ничего не могло капать! Он нетерпеливо повел шеей, трусливо кося глазами за плечо. Щека, шершавая от вечерней щетины, прошуршала по воротнику куртки, ему показалось, что прошуршала очень громко.

Какой-то посторонний звук, Арсений явственно расслышал. Какой-то очень странный повторяющийся посторонний звук.

Шипение? Шорох?

Он резко повернулся и настороженно обвел глазами квадратную переднюю. Все та же куртка, тот же коврик и разномастные ботинки, наваленные горой в углу.

Троепольский потер затылок, стараясь ослабить давящий обруч паники, и сделал два шага, преодолев коротенький коридорчик.

В комнате было совсем темно, даже не слишком понятно, есть ли там окно, и если есть, то где оно. Правой рукой он опять зашарил по обоям.

— Федя! Ты тут или тебя нет?!

Собственный голос показался ему чужим, и в тишине, которая наступила после этого бессмысленного вопроса, Арсений снова услышал тот самый размеренный звук. Он стал ближе и явственнее.

Что-то здесь не так.

Надо уходить отсюда. Прямо сейчас. Надо выйти на лестницу и вызвать милицию.

Пальцы вдруг наткнулись на пластмассовый квадрат, и в эту секунду в кромешной темноте, к которой уже стали привыкать глаза, произошло какое-то дви-

жение, словно сгусток тьмы метнулся на него. Метнулся... и задел. Арсений отшатнулся, чувствуя, как от первобытного страха пустеет в голове, и что-то слабо ударило его в висок, как будто смазало. Очки упали, и, кажется, он наступил на них. Темный силуэт рванулся мимо него, и за спиной погас свет. Стало черно.

Отдаленный удар, размеренная дробь, и больше ничего.

Совсем ничего.

Без очков в темноте он ничего не видел — вот такая особенность его зрения. Он не был фатально близорук, так, слегка, как все много читающие и пишущие люди, но в сумерках становился слепым, как крот.

Впрочем, говорят, что крот, хоть и слеп, все же как-то ориентируется в темноте. Арсений Троепольский в темноте мог только стоять. Двигаться не мог.

Размеренный звук, к которому он прислушивался десять секунд назад — нет, не десять, какие там десять, три секунды назад! — пропал и больше не повторялся. Спина и ладони были мокрыми.

Черт побери все на свете, что здесь происходит?!

Рассердившись на себя за свою панику, беспомощность и еще за то, что ничего не видит, он снова зашарил по стене, нащупал пластмассовое и квадратное и нажал.

Свет послушно зажегся. Словно все в порядке. Будто так и надо.

Большая квадратная комната. Облезлый шкаф, коричневый диван, обои на каждой стене разные. С правой стороны — громадный письменный стол со стеклянной столешницей, неуместный до такой степени, что хотелось протереть глаза. Стол сверкал

почти операционной чистотой. На нем — жидкокристаллический монитор, сделанный на заказ, ибо мониторы таких размеров в магазине не продавались, аккуратные стопки дисков и почти никаких бумаг. Панель, предназначенная для компьютерной клавиатуры, наполовину выдвинута, многочисленные шнуры спрятаны в черный кофр, чтобы не болтались под ногами. Кресло, отвечающее всем на свете эргономическим правилам, чуть покачивалось из стороны в сторону.

Между столом и креслом на полу в луже крови лежал человек.

Именно в луже. Она стремительно заливала светлый паркет, подбиралась к колесу щегольского письменного стола.

Тропольский закрыл и открыл глаза.

В ушах зазвенело. Ноги стали ватными. Паника кулаком ударила его в живот.

— Федя!! — крикнул он, прыгнул вперед, отшвырнул кресло и присел на корточки. — Федя!

Бессмысленно было звать Федю — он не слышал своего начальника. Впрочем, он больше никого и никогда не услышит. Вместо головы у Феди было что-то отвратительное, бурое, черное, с вылезшими острыми обломками белых костей. Щека смята неживыми складками, и нос, уткнувшийся в пол, странно сплюснут, словно Федю старались вбить в этот самый пол.

Тропольскому стало плохо.

Так плохо, что пришлось взять себя за горло и поддержать некоторое время, стискивая пальцы, ледяные даже сквозь перчатку. Потом он выпрямился, все еще держась за горло, перешагнул неживую Федину руку и опрометью ринулся в кухню. По пути попа-